

Бахтиев Рустем Флусович

ГРАФО-ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОНОМАСТИКОНА РОДОСЛОВНЫХ СИБИРСКИХ ТАТАР (ПО СПИСКУ Н. Ф. КАТАНОВА)

В данной статье рассматриваются графо-фонетические особенности ономастикона родословных сибирских татар (по списку Н. Ф. Катанова). Выявляются закономерности графической передачи антропонимов, этнонимов и топонимов в татарском литературном языке XIX столетия. В статье также показано влияние диалектных фонетических форм на языковые нормы родословных текстов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/9-1/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 19-22. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.512.145

Филологические науки

В данной статье рассматриваются графо-фонетические особенности ономастикона родословных сибирских татар (по списку Н. Ф. Катанова). Выявляются закономерности графической передачи антропонимов, этнонимов и топонимов в татарском литературном языке XIX столетия. В статье также показано влияние диалектных фонетических форм на языковые нормы родословных текстов.

Ключевые слова и фразы: сибирские татары; родословные списки; графика; фонетика; ономастика; антропонимика.

Бахтиев Рустем Флусович*Казанский (Приволжский) федеральный университет**rustem.bakhtiev@gmail.com***ГРАФО-ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОНОМАСТИКОНА
РОДОСЛОВНЫХ СИБИРСКИХ ТАТАР (ПО СПИСКУ Н. Ф. КАТАНОВА)[©]**

Публикация оригинальных письменных памятников сибирских татар, которая позволила исследовать данные произведения как языковой источник, приходится на вторую половину XIX – начала XX в. Подобные издания стали возможны в результате работ историков Ш. Марджани, К. Насыри, Х. Амирхана, Р. Фахретдинова, а также вследствие возросшего интереса к ведению родословных у татар в рассматриваемый период [2, с. 108-109]. Интерес к шеджере проявляли и российские ученые. Усилиями крупнейших тюркологов В. В. Радлова и Н. Ф. Катанова в это время публикуются материалы родословных сибирских татар. В данной статье рассматриваются генеалогические списки, которые впервые были изданы Н. Ф. Катановым в 1903-1904 гг. под общим названием «О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири» [9, с. 135-141; 10, с. 12-28].

Согласно шеджере, в 747 году Хиджры / 1394 год, 366 конных воина, будучи учениками шейха Багауддина, по приказу своего духовного наставника отправились из Бухары к берегам Иртыша, к народам хотан, ногай и кара-кипчак, которые поклонялись кулкам, для призыва их к исповеданию ислама. Путь шейхов лежал через кочевья хана Шейбана в Средней орде. Хан, узнав о миссии прибывших святых, «вооружил еще 1700 своих богатырей и в целях большой войны за веру, отправился вместе с ними..., спустился к реке Иртыш и учинил там великое сражение» [9, с. 136]. В результате битвы мусульмане, потеряв 300 шейхов и 1448 воинов хана, одержали верх. Хан Шейбан с остатками войска вернулся в Среднюю Орду с титулом «Вали-хан» («Святой хан»). Из 66 выживших шейхов трое остались в Прииртышье для обучения местного населения вере. К их потомству принадлежат современные ходжи и шейхи в Тобольске, Тюмени, Таре и Томске. Остальные 63 шейха вернулись в Бухару и доложили имаму Багауддину о выполнении миссии [Там же, с. 135-137].

После исторического вступления авторы шеджере излагают историю открытия мавзолеев, называют имена первооткрывателей. В тексте приводятся сведения об именах погибших шейхов, местах их погребений и установлении здесь культа местных мусульманских святых [Там же, с. 138-141].

На протяжении большей части XX столетия «катановские» шеджере не были объектом пристального изучения ученых. Интерес к родословным сибирских татар вновь появился только в перестроечное и постперестроечное время. В исследованиях И. В. Белича [3, с. 103-106], И. Г. Селезнева [11, с. 5-180], Н. А. Томилова [15, с. 13-17], В. Ю. Софронова [14, с. 103], Д. М. Исакова [7, с. 196], И. Б. Гарифуллина [5, с. 15] «катановские» шеджере были рассмотрены как исторический источник. Вместе с этим Х. Ч. Алишина [1, с. 19-33], М. И. Ахметзянов [20, б. 119-130; 21, б. 291-292], Ф. Ю. Юсупов [19, с. 233], А. К. Бустанов [4, с. 193-202] в своих научных работах обратили внимание и на языковой аспект шеджере. Например, Х. Ч. Алишина происхождения топонимов «катановских» родословных связывает с сибирско-татарским, обско-угорским и самодийским субстратом, а антропонимы – с арабо-персидскими корнями [1, с. 19-33].

В данной статье представлен опыт графического и фонетического анализа родословных сибирских татар (по списку Н. Ф. Катанова). Рассматриваемые шеджере идентичны по содержанию, однако не тождественны между собой. Первые два из них были изданы Н. Ф. Катановым еще в 1903-1904 гг. Автором одного списка указывается Са'д-Ваккас Аллакулов [9, с. 141], автором второго – Кашшаф Абу-Са'идов [10, с. 17]. Третий список известен под названием «Карагайская рукопись». В статье использовался ее печатный вариант, сделанный А. К. Бустановым [4, с. 193-202]. Четвертый и пятый списки, ставшие объектом изучения, были обнаружены в 2008 г. Р. Х. Рахимовым. В статье использовались транскрипции этих документов, опубликованные М. И. Ахметзяновым в журнале «Гасырлар авазы» («Эхо веков») [20, с. 119-130].

Графо-фонетическое исследование «катановских» шеджере позволяет выявить закономерности графической передачи ономастикона в татарском литературном языке XIX столетия. Кроме этого, подобный анализ дает возможность определить влияние диалектных фонетических форм на письменный язык родословных текстов.

Проведенный анализ графических и фонетических черт шеджере (по списку Н. Ф. Катанова) дал следующие результаты.

1. Во всех списках мужские и женские антропонимы арабского происхождения как и в татарском литературном языке XIX столетия [2, с. 106], представлены формами, более приближенными к нормам арабского языка: عي [4, с. 197; 9, с. 136; 10, с. 12] *yalı* «Али», سُف [20, б. 122] *Jusuf* «Йусуф», ظر [9, с. 138; 10, с. 15] *Nazar* «Назар».

2. Небольшое количество имен из арабского языка под влиянием местных языковых традиций претерпевают графические изменения. Например, мужской антропоним د دُعِي د *Däülätjali* «Давлетали» имеет в шеджере такие варианты написания: د دُعِي د [9, с. 138] *Dävlätjali*, د دُعِي د [10, с. 15] *Täülätjali*, د دُعِي د [4, с. 198] *Tävlätjali*. В одном случае вместо графемы ' пишется ُ, в другом – наблюдается оглушение графемы د на х, что свойственно для сибирско-татарского диалекта [16, с. 40].

Графическое изменение арабских заимствованных имен наблюдается также в женском антропониме ح حُج *Xädicä* «Хадиджа», который в списке Кашшафа Абу-Са'идова употреблен с графемой ُ вместо графемы ح: ح حُج [10, с. 16] *Xädiçä* «Хадича». Употребление в заимствованных словах графемы ُ вместо графемы ح является диалектной особенностью языка сибирских татар [16, с. 42]. Пример подобной замены встречается в таких словах, как ح حُج [10, с. 12] *xuça* «учитель», ح حُج [Там же, с. 13] *çänk* «война», которые в оригинале пишутся как ح حُج *xuça*, ح حُج *çänk*. Колебания ُ ~ ح больше встречаются в печатной рукописи Кашшафа Абу-Са'идова.

3. Для ономастикона шеджере свойственны графические колебания ا (алиф с маддой) ~ ا (алиф без мадды): ا ائيش د [9, с. 138] ~ ا ائيش د [10, с. 15; 11, с. 198] *Ajqani šejx* «шейх Айкани». В результате подобных колебаний при переводе и транскрипции списков возникает несколько вариантов написания имен одних и тех же людей: «шейх Айкани» [11, с. 204] или «шейх Икани» [Там же].

4. ا (алиф без мадды) в начале слова может употребляться в сочетании с буквами [] и []: ا ائيش [9, с. 136; 10, с. 13] *Irteš* «Иртыш»; ا ائيش [4, с. 194; 20, б. 125] *Urta Jüzdä* «в Среднем Джудзе». Однако это правило проявляется не во всех словах, например: ا ائيش [9, с. 139; 10, с. 16] *Ištamalda* «в Иштамале»; ا ائيش [4, с. 198; 9, с. 138] *Iskärda* «в Искере».

5. ا (алиф без мадды), обозначающий гласные [a] и [ä] в неударном слове, иногда опускается: ا ائيش [4, с. 194; 10, с. 13] *Täryän* «Тарган»; ا ائيش [10, с. 13; 20, б. 125] *xutän* «хотан».

Отсутствие «алифа без мадды» вызывает определенные трудности при транскрибировании названия народа или имени человека. Например, рассматриваемое в последнем примере личное имя «ذرعاً» имеет несколько вариантов транскрипции: «Турган» (в транскрипции Ф. З. Яхина [11, с. 203]), «Тарган» (в транскрипции Н. Ф. Катанова [4; 10, с. 19] и М. И. Ахметзянова [20, б. 124]).

6. В родословных, преимущественно в списке Са'д-Ваккаса Аллакулова, некоторые имена людей, народов, географические названия тюркского происхождения пишутся с огласовками: ا ائيش [9, с. 136] *Täryän* «Тарган»; ا ائيش [Там же] *Ab Cärus* «Аб Джарусь», ا ائيش [4, с. 196; 9, с. 136] *xutän* «хотан». Так авторы, вероятнее всего, хотели показать, как следует правильно произносить тюркские онимы.

7. В разных позициях, кроме конца слова, буква ُ, передающая звуки [i], [y], [e], может на письме не обозначаться. Например: ا ائيش [9, с. 139; 10, с. 16; 20, б. 123] *Aqxisarda* «в Ак-Гисаре», ا ائيش [9, с. 140; 10, с. 16; 20, б. 129] *Törkestandin* «из Туркестана».

8. Графема ب, как и полагается для татарского литературного языка XIX столетия, в основном используется для передачи губно-губного смычного звонкого [b], иногда для губно-губного смычного глухого [p] [2, с. 61; 8, с. 50]. Однако для передачи звука [p] еще применяется специальная графема ڤ, которая в ономастиконе шеджере выступает как графически колеблющийся вариант ب [b]: ب ائيش [4, с. 198; 9, с. 138] ~ ڤ ائيش [10, с. 14] *šejx Peri* «шейх Пери»; ب ائيش [4, с. 198; 20, б. 122] ~ ڤ ائيش [10, с. 15] *Suprada* «в Супре». Подобные колебания, встречающиеся преимущественно в печатной рукописи Кашшафа Абу-Са'идова, хоть и в ограниченном количестве, показывают принадлежность рассматриваемых родословных к сибирско-татарскому диалекту [16, с. 38].

9. ڤ обозначает переднеязычный смычный [t]. В списках шеджере позиционных ограничений не имеет. В ономастиконе данная графема графически колеблется: ڤ ائيش [9, с. 136] ~ ڤ ائيش [4, с. 5] *Tärxan* «Тархан»; ڤ ائيش [9, с. 138] ~ ڤ ائيش [10, с. 15] *Išen Tamaqta* «в Ишин Тамаке». Колебания ڤ ~ ڤ вызваны тем, что, во-первых, для авторов шеджере данные звуки не имели столь больших различительных качеств, во-вторых, в татарском литературном языке XIX столетия формирование единого правила употребления графем еще не было завершено.

10. Графема ج во всех списках передает переднеязычный аффрикат [ç]. В тюркском ономастиконе родословных ج применяется и для обозначения аффрикативного глухого звука [ç], выраженного также графемой ڭ: ج ائيش [9, с. 136; 4, с. 194] ~ ڭ ائيش [10, с. 13] *qara qurçaqdin* «из кара кипчаков»; ج ائيش [4, с. 199] ~ ڭ ائيش [9, с. 139; 10, с. 15] *Läük Küldä* «в Лячюк Куле».

В родословных зафиксирован случай с колебанием графем ڭ ~ ج: ڭ ائيش [20, б. 121] ~ ڭ ائيش [10, с. 13] ~ ڭ ائيش [Там же, с. 14] *ištäk* «иштяки», что можно объяснить схожестью графем ڭ, ڭ и ڭ: все три переднеязычные и глухие согласные.

11. В тюркском ономастиконе зафиксированы колебания графем ڭ ~ ڭ, обозначающие увулярный щелевой глухой согласный [x], глухой твердый согласный [x] и увулярный щелевой звонкий [ɣ]: ڭ ائيش [4, с. 200] ~ ڭ ائيش [10, с. 16] ~ ڭ ائيش [9, с. 139; 20, б. 128] *Agut* «Агут»; ڭ ائيش [4, с. 195] ~ ڭ ائيش [9, с. 136; 10, с. 13] *Tarxan* «Тархан» ~ ڭ ائيش [4, с. 194; 10, с. 13] *Täryän* «Тарган». Данные колебания, как и в предыдущем случае, можно объяснить схожестью графем ڭ ~ ڭ ~ ڭ: все три увулярные согласные.

12. Графема *ʿ* при обозначении согласного передает губно-губной щелевой [w]. В списках шеджере *ʿ* имеет колебания со специально введенной для обозначения рассматриваемого звука графемой *ا كند*: [20, б. 122] *ا كند* ~ [10, с. 15] *ا كند* «в Увате», [9, с. 139; 20, б. 123] *ا كند* ~ [10, с. 15] *ا كند* «в деревне Каш».

13. В некоторых именах, встречающихся в разных списках, зафиксированы случаи выпадения или добавления графем, что вызывает определенные трудности при транскрипции и определении правильного названия: [9, с. 139] *قاجاريد* «в Кан-Джубари» ~ [10, с. 15] *قاجاريد* «в Камчари» ~ [20, б. 123] *قاجاريد* «в Каинджаре». В данном примере только печатные рукописи Кашшафа Абу-Са'идова, «Карагайская рукопись» и рукописи, обнаруженные Р. Х. Рахимовым, имеют схожесть, но и здесь присутствуют колебания графем *چ* ~ *ج*: [10, с. 15] *قاجاريد*, [4, с. 199; 20, б. 128] *قاجاريد* «в Камчари». Еще один схожий случай зафиксирован в мужском тюркском антропониме: [9, с. 138; 20, б. 122] *Ancinan* «Анджинан» ~ [10, с. 15] *Ançafi* «Анчафий» ~ [4, с. 198; 20, б. 127] *Ancani* «Анджани». Схожесть последнего антропонима в разных списках может быть результатом использования переписчиками одного и того же источника.

Таким образом, графо-фонетический анализ ономастикона родословных сибирских татар (по списку Н. Ф. Катанова) дал возможность установить, что арабские и персидские антропонимы, топонимы и гидронимы, так же, как и в татарском литературном языке XIX столетия, в подавляющем большинстве графически обозначаются формами, приближенными к языку оригинала, за исключением небольшого количества имен, где иногда происходит оглушение звонких звуков *ب* ~ *د*, *پ* ~ *خ*, *ج* ~ *چ*, свойственное сибирско-татарскому диалекту: [9, с. 138] *دئی د عی* ~ [10, с. 15] *دئی د عی* «Давлетали»; [4, с. 198; 20, б. 122] *سپرانسرد* ~ [10, с. 15] *سپرانسرد* «в Супре». В этнонимике списков наблюдаются различные варианты написания одного и того же слова как в одном, так и в разных списках: [20, б. 121] *اچک* ~ [10, с. 13] *اچک* ~ [10, с. 14] *اچک* «иштяки». Также некоторые тюркские и заимствованные имена употреблены с диакритическими знаками: [9, с. 136] *Täryan* «Тарган»; [Там же] *Ab Cärus* «Аб Джарусь», [4, с. 196; 9, с. 136] *xutän* «хотан».

Ономастикон родословных имеет те же графические особенности, как и остальной текст шеджере, написанный на татарском литературном языке XIX века, с некоторыми систематично не выраженными фонетическими особенностями, характерными для диалекта сибирских татар. Это свидетельствует об употреблении сибирскими татарами в официальных письменных документах XIX в., какими являются генеалогические списки шеджере общетатарского языка XIX столетия, ставшего позднее основой для современного его литературного варианта.

Список литературы

1. Алишина Х. Ч. Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области): монография: в 2-х ч. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 1999. Ч. 1. С. 19-33.
2. Ахметзянов М. И. Татарские шеджере. Казань: Татар. книжн. изд-во, 1991. 158 с.
3. Белич И. В. О начале исламизации сибирских татар // Проблемы этнографии и социологии культуры. История, краеведение и музееведение Западной Сибири. Омск: ОмГУ, 1988. С. 103-106.
4. Бустанов А. К. Рукопись в контексте сибирского ислама // Селезнёв А. Г. и др. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М.: Изд. дом Марджани, 2009. С. 193-202.
5. Гарифуллин И. Б. Ислам в истории и культуре Тюменского края (в документах и материалах). Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2004.
6. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири: в 3-х т. / под. ред. А. П. Яркова. Тюмень: Колесо, 2007. Т. 1. С. 340-356.
7. Исхаков Д. М. Введение в историю Сибирского ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 196 с.
8. Исхакова А. Р. «Кысас ал-анбия» Насретдина Рабгузи. Казань: Изд-во *Humanitaria*, 2005.
9. Катанов Н. Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноверцев Западной Сибири // Ученые записки Казанского университета. Казань, 1903. С. 135-141.
10. Катанов Н. Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноверцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского Губернского музея). Казань: Типо-литография Императорского университета, 1904. С. 12-28.
11. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального / под. ред. А. Г. Селезнева. Москва: Изд. дом Марджани, 2009. 216 с.
12. Нуриева Ф. Ш. «Нахдж ал Фарадис» Махмуда ал Булгари. Казань: Фэн, 1999. 208 с.
13. Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен. Наречия барабинских, тарских и тюменских татар. СПб.: Имп. АН, 1872. Ч. IV.
14. Софронов В. Ю. Правверные шейхи — миссионеры Сибири // Тобольский хронограф. Омск: Омское кн. изд-во, 1993.
15. Томилов Н. А. Ислам и культура Сибири // Влияние ислама на культуру народов Сибири: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 600-летию ислама в Сибири. Тюмень, 1998. С. 13-17.
16. Тумашева Д. Г. Язык сибирских татар. Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 1968. 183 с.
17. Хисамова Ф. М. Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI-XIX вв.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. 405 с.
18. Юсупов А. Ф. Язык поэтических произведений Ш. Заки: дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 226 с.
19. Юсупов Ф. Ю. Родословная как источник изучения антропонимики сибирских татар // Ономастика Поволжья: мат-лы XII междунар. науч. конф. Казань, 2010. С. 233.
20. Әхмәтжәнов М. И. Себер татарлары шәжәрәләренәң яңа табылган текстлары // Гасырлар авазы (Эхо веков). Казан, 2010. № 1. Б. 119-130.
21. Әхмәтжәнов М. И. Татар шәжәрәләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 2012. Т. 1. Б. 291-292.

GRAPHICAL-PHONETIC FEATURES OF SIBERIAN TATARS' GENEALOGY ONOMASTICON
(ACCORDING TO LIST OF N. F. KATANOV)

Bakhtiev Rustem Flusovich

*Kazan' (Volga Region) Federal University
rustem.bakhtiev@gmail.com*

The article considers the graphical-phonetic features of Siberian Tatars' genealogy onomasticon (according to the list of N. F. Katanov). The regularities of graphic transfer of anthroponyms, ethnonyms and toponyms in the Tatar literary language of the XIXth century are revealed. The article also shows the influence of dialect phonetic forms on the language norms of genealogy texts.

Key words and phrases: Siberian Tatars; genealogy lists; graphics; phonetics; onomastics; anthroponymics.

УДК 81.572

Филологические науки

В статье представлен лингвокультурологический анализ пространственно-временных категорий в русской социокультурной картине мира. Проводится идея, согласно которой естественное для носителей языка изменение базовых координат картины мира не может не учитываться в практике обучения русскому языку как иностранному. Осуществляется попытка применить идею нелинейности мышления к обучению ситуативно обусловленной межкультурной коммуникации в условиях неродной речевой среды.

Ключевые слова и фразы: социокультурная картина мира; хронотоп; линейное мышление; ризома; коммуникация; неродная речевая среда.

Бирюкова Анна Борисовна

*Университет Северного Техаса, США
biranna77@gmail.com*

**ОТ РЕЧИ К ЯЗЫКУ: ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА ПРИ ОБУЧЕНИИ
РУССКОМУ КАК ИНОСТРАННОМУ (РКИ) В УСЛОВИЯХ НЕРОДНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ[©]**

Развивая идеи, изложенные в гипотезе Сепира – Уорфа [9], современная лингвистика все чаще связывает возможность дальнейшего изучения природы языка и речевой деятельности человека, а также поисков оптимальных методик обучения иностранному языку с процессами мышления. Цель настоящей статьи – обосновать возможность использования базовых представлений о пространственно-временных координатах национальной картины мира в практике обучения русскому языку как иностранному (РКИ).

В работах известных лингвистов [1; 4; 8] прослеживается мысль о неделимости мышления и языка, мысли и слова, о том, что любая идея, прежде чем быть высказанной, должна быть облечена в образ. При этом процессы передачи информации и, соответственно, ее получения у носителей языка проходят интуитивно. В естественной языковой среде коммуникативные сбои на уровне передачи информации крайне редки по причине нахождения участников коммуникации в рамках одной динамично развивающейся социокультурной картины мира, то есть существующей в нашем сознании смысловой модели. В ситуации неродной языковой среды коммуникативные сбои очевидны, они связаны с попаданием в иную лингвокультуру и несоответствием парадигм мышления. В процессе обучения иностранному языку представляется целесообразным освоение грамматических кодов через базовые координаты картины мира. В лингвокультурологии картина мира определяется как сетка социокультурных координат, существующая в нашем сознании и не являющаяся копией реального мира [1; 7]. Эта смысловая модель включает представления мировоззренческого (в том числе, аксиологического), социального и повседневного характера, выраженные на языке символов и образов. Ее содержание предполагает наличие коммуникативных и дискурсивных параметров, которые носитель той или иной культуры постигает по наитию. Инструментом построения картины мира является ментальность, то есть образ мысли, явленный в языке, и модель поведения человека, сориентированные на определенную культуру. Анна Вежбицкая в книге «Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики» [1] использует понятие «культурные сценарии» для описания языковых особенностей различных культур. Именно ментальность (у Вежбицкой – интуитивные культурные правила) позволяет нам давать различные интерпретации одних и тех же артефактов, извлекать смысл не только из текстового, но и контекстуального пространства.

В 80-е годы XX века широкий научный резонанс вызвала серия статей известного американского антрополога Клиффорда Герца, исследующего «головоломки культурной множественности» [3, с. 174]. По мнению автора, сами границы нашего сознания очерчивают интеллектуальное и эмоциональное пространство, в котором мы существуем. Чем больше оно будет, тем дальше мы сможем раздвигать его пределы. Понимая, что значит быть другими, мы станем понятнее самим себе. Собственно речь идет о различных картинах мира,